

— Уваа!

— Уваа!

Закричал ребёнок, как только она зашла в гостинную.

— Детский плач?

Хелия остановилась как вкопанная.

Одиноко стоящая колыбель никак не вписывалась в вычурную благоуханную комнату.

— ...

Внутри колыбели находился новорожденный, что ростом был чуть меньше среднего.

Из-за неистовых криков ребёнка Хелии пришлось остановиться, как только она вошла в комнату.

— Ваааа!

Внутри гостинной, куда её направили, она застыла на месте и рассматривала маленькое вопящее существо.

Растерянная она осмотрелась, но не у кого было попросить помощи.

Хелия притворилась, что не заметила и села на диван, но не прошло и десяти секунд, как она встала и подошла к колыбели.

Она машинально протянула руку, чтобы успокоить ребёнка, но рука повисла в воздухе, так и не достигнув его.

Широко открыв глаза, которые некоторые считали ужасающими, она нахмурила брови, как только увидела, что рука, которую она инстинктивно протянула, практически касалась ребёнка.

Будто испугавшись огромной руки, приближающийся через расплывчатое зрение, ребёнок завыл ещё более оглушительно.

— Увуааааа!

Хелия замерла, не зная, что делать с ребёнком, который начал плакать сильнее, как только она протянула руку. Постояв так некоторое время, она убрала её.

— "Почему они оставили этого ребёнка здесь?"

Ни няни, ни других смотрительниц не было рядом с ребёнком. Ведь они так надолго не могли намерено оставить ребёнка, поэтому самым разумным предположением Хелии было то, что они ждали, когда она пройдёт мимо и удалились, когда она появилась.

Внутри гостинной, куда её привёл слуга, существование ребёнка, что появился из её собственного чрева, заставляло её чувствовать себя ещё более странно, нежели она предполагала.

Она помнила, как выглядел ребёнок, когда он только родился, будто это было вчера.

Когда он только родился, то был покрыт морщинами, но сейчас ребёнок был пухлым от детского жира, а кожа, которая когда-то была алой, словно перезревшая слива, которая была готова лопнуть, стала чисто белой, только ярко-красный румянец расцвел на щеках.

Видя, как темнеет из-за рыданий детское тело, Хелия вытянула правый указательный палец.

Её палец, что до этого подрагивал в воздухе, медленно двинулся вперёд, как если бы действовал на основе собственного твёрдого решения.

Тык.

Указательный палец Хелии слегка коснулся лба ребёнка.

Как только детская кожа поддалась, изнуряющий жар тела ребёнка прошёл волной сквозь кончик её пальца, и она отдёрнула руку.

Поморщившись, Хелия сжала палец свободной рукой.

Неприятное ощущение прошлось по её телу и по спине пробежали мурашки.

И всё же, возможно, благодаря холодной руке Хелии ребёнок перестал беспрестанно вопить, как будто этого никогда и не было.

— Это закончилось.

Перо плавно падает вниз, пока порыв ветра не унесёт его прочь, и её палец был таким же.

Всего лишь на долю секунды он коротко вступил в контакт. Несмотря на это, ребёнок, казалось, понял, что кто-то рядом с ним, и перестал плакать, в то время как Хелия вздрогнула, будто палец обдало жаром.

Неуклюже массируя свою руку вновь и вновь, она попятилась.

— Оуу?

Детский голос ударил ей по ушам.

Хелия развернулась, пытаясь не смотреть в сторону ребёнка.

Узнаваемая, но в то же время слегка незнакомая сцена появилась перед глазами.

Особняк, в который она вернулась спустя долгое время, всё ещё был наполнен приятным теплом, и всё так же было неуютно, будто шла по тернистому пути.

Неловко топчась на месте, Хелия издали наблюдала за притихшим ребёнком.

Ребёнок приоткрыл опухшие розовые веки, показав золотисто-жёлтые глаза, которые были подобным солнцу.

Где бы они не попадали под солнечный свет, они пылали золотом.

Пока Хелия была погружена в свои мысли, дверная ручка внезапно повернулась и она

услышала глухой звук.

Хоть она и ожидала, что дверь тут же откроется, причудливым образом слегка повёрнутая ручка вернулась в исходное положение. Сразу после этого движения последовал неуклюжий стук.

Хелия отдалилась от ребёнка и села на диван.

— Да, входите.

После её бесстрастного голоса, дверная ручка вновь повернулась.

Гостем оказался мужчина с тёмно-красными, практически чёрными, волосами и красными глазами.

Особенно в глаза бросалась его явно загорелая, а не бледная кожа. Поверх своей мускулистой фигуры он носил форму, плотно облегающую его тело.

— ...Столько воды утекло.

— Да, как поживаете?

Между парой, обменивающийся беспристрастными приветствиями, будто они читали установленную инструкцию, стояла невидимая стена.

Чувство отстранённости заставило Калиго глубоко вздохнуть, когда он медленно сел напротив неё.

Он огляделся, после чего сделал жест рукой. Слушаясь его, няня прижала ребёнка к груди.

Хелия сухо взглянула, после вновь переключила своё внимание на Калиго.

Она молча открыла рот:

— Где документы о разводе?

— Вы уверены, что хотите вот так вот уйти? — спросил Калиго, отвечая прямо и ставя под сомнение её вопрос. Он грубо зачесал свои волосы назад.

Из-за разочарования он попытался расстегнуть одну из обычно хорошо застёгнутых пуговиц.

Глаза Хелии были холодны, а её ледяной голос был лишён эмоций. Всего лишь после пару месяцев разлуки стена перед ней стала ещё твёрже.

— Да, есть что-то ещё, что нужно уладить между нами?

Уладить. Это слово подчёркивало стену между ними.

Чувствуя, будто он вот-вот утонет, Калиго глубоко вздохнул.

— ...Урегулирование.

— Наш контрактный брак подошёл к концу. По вашему условию я родила дитя, прожив здесь целых пять лет, тем самым выполнила свою задачу.

Не было и следа долгой привязанности в её глазах, которые, казалось, спрашивали, было ли ещё что-то, что нужно было разрешить.

Выражение её лица было безупречным, как если бы она приняла решение после родов и восстановления.

Калиго отдернул голову, вены на его шее вздулись от негодования, бурлящего в груди.

В комнате было благоуханнее, чем в других, и просачивалось множество солнечных лучей, но воздух между этими двумя был бесчувственным и холодным.

— Насчёт имени ребёнка...

— Вы уже остановились на одном? — спросила Хелия, при этом прервав Калиго.

— Нет, ещё нет. В любом случае, поскольку это наш ребёнок, я подумал, что будет правильно спросить ваше мнение.

В ответ на слова Калиго Хелия опустила свои длинные ресницы.

— Если... вы выбрали имя, то посоветовала бы не говорить об это со мной.

Брови Калиго дернулись. Один из уголков губ изогнулся, показывая его раздражение.

Он спокойно открыл рот, проглатывая грубые слова, что так и намеревались вырваться:

— Что за нелепицу вы говорите. Так или иначе, Хелия, разве вы не дали жизнь этому дитя? Это не значит, что вы больше никогда не увидите ребёнка, поэтому было бы лучше, если бы мы могли бы поговорить о чём-то вроде имени...

— Я не собираюсь его вновь видеть, — Хелия решительно перебила Калиго. — Знаете что, Калиго?

Из-за того, что Хелия обратилась к нему, планы поспорить с ней вылетели у Калиго из головы.

Сколько времени прошло с тех пор, как его имя слетало с её губ? Он не знал.

Судя по тому, насколько чужим оно казалось, она, наверное, давно не обращалась к нему по имени, несмотря на то, что жила в особняке на протяжении пяти лет.

Подавленный этим фактом и потерявший слова Калиго тупо уставился на Хелию.

— Даже если это и мой ребенок, я не смогу полюбить его, — безразлично прокомментировала Хелия, когда отвела глаза, чтобы посмотреть на ребёнка на руках няни.

Хоть её слова не были особо резки, было ясно, что температура в комнате резко понизилась.

— ...

— Калиго, я не буду любить этого ребёнка.

Если точнее, она не могла, но Хелия держала этот факт при себе.

— Я не буду родителем этого ребёнка или заявлять о правах на него, и после того, как день за днём буду забывать о ребёнке, то я даже не вспомню, что у меня было дитя.

— Кто-то как вы... — пробормотал Калиго с отвращением на лице, когда Хелия посмотрела на него холодным взглядом.

— Мы когда-нибудь любили друг друга?

Услышав эту фразу, Калиго, что уже был готов наброситься на неё, ошеломлённо замолчал.

Для него Хелия была трудной дилеммой на протяжении того времени, что они были вместе, а для неё Калиго был просто катастрофой, от которой лучше было держаться подальше.

Их совместная жизнь за последний год промелькнула в голове Калиго.

Это было странно, словно неизбежная смерть или что-то в этом роде.

— Что вы только что сказали...

— Вы и я никогда не любили друг друга, а этот ребёнок родился лишь потому было нужно... — она замолчала. — Как вы могли ожидать что я полюблю этого ребёнка?

Её замечание прозвучало так прямо и резко, насколько возможно.

Молчание опустилось словно свинец и раздавило сердце Калиго.

Хелия открыла рот перед всё ещё лишённым даром речи Калиго, как будто хотела утереть ему нос.

— Так что воспитание ребёнка не имеет ко мне никакого отношения, — она провела черту. — Выберите любое имя, какое захотите. Пожалуй, вам не понадобится моё мнение.

Сжатые кулаки Калиго дрожали из-за вопиющей апатии.

— Чёрт возьми! С момента нашей первой встречи до сегодняшнего дня ты такая же эгоистка, как и остальные! Вместо крови через твоё сердце течёт сталь?

Калиго, который пытался сохранить самообладание, наконец повысил голос.

Он не мог совладать с чувством ярости, которая была словно раскалённая лава, бурлящая в нём. Его ледяное лицо налилось кровью, а вены пульсировали на его шее, когда он закричал.

Плечи Хелии затвердели. Однако выражение её лица не сильно изменилось, и благодаря этому она умела скрывать свои эмоции так, чтобы никто не заметил.

Калиго был единственным человеком, кто быстро распознавал её чувства, но было очень мало шансов, что сейчас в своём возбуждённом состоянии он будет способен определить их.

— Уваааа!

По-видимому, почувствовав колючий воздух и гнев своего отца, до этого спокойный ребёнок сморщил лицо и вскоре издал громкий вопль.

Няня, державшая ребёнка, несколько раз постучала ногой, не зная, что делать; в конечном итоге она опустила голову и выбежала в коридор.

Нежный голос няни, успокаивающей ребёнка, смешивался с неумолкаемыми жалобными криками дитя за большой массивной дверью.

— Я... — Хелия, которая слушала Калиго, что был в приступе гнева, не произнося и слова, нарушила молчание, — Не понимаю, почему вы так расстроены этим. Неужто так проблематично говорить о том, чтобы позаботиться о истёкшем контракте?

Вместо ответа он взял несколько документов из шкафчика и швырнул их на стол, в то время как на его лице всё ещё читалось возмущение.

Слова "Соглашение о расторжении брака" чётко были написаны на белой бумаге.

Поскольку Калиго, кажется, был не заинтересован в продолжение разговора, то Хелия взяла бланк и внимательно прочитала его содержание.

С одной стороны на её сердце была тяжесть, но она осознанно пыталась её игнорировать.

Она просмотрела правила и условия с прямой осанкой, после чего занесла своё имя и подписала его.

Листая страницу за страницей, она писала своё имя и в завершении поставила красными чернилами отпечаток своего пальца.

После последней тщательной проверки документа, Хелия собрала бумаги и протянула их ему.

— Хелия, могу ли я вам задать один вопрос? — спросил Калиго низким голосом, тем самым давая понять, что он немного успокоился

— Конечно.

— Вы действительно ничего не чувствовали за последний год? Ни любви к ребёнку, ни привязанности? Неужели вы совсем не питали ко мне нежных чувств?

В отличие от неё, он расписался, не утруждая себя чтением бумаг, и без промедлений поставил свой отпечаток пальца.

Не потому ли, что она была застигнута врасплох?

Хелия с трудом переваривала вопросы Калиго и без конца анализировала их в своей голове.

После молчаливого размышления о них, казалось, на протяжении вечности, она наконец дала свой ответ:

— Да.

Услышав этот твёрдый, однозначный ответ, Калиго издал пустой смешок.

Это означало их конец.

— Мы завершим обрабатывать наш документ.

— Я сделаю это. Возможно, так будет проще.

Она протянула руку. Калиго застыл, глядя на бледную, но всё же мозолистую руку.

— Вы действительно не верите в меня?

— Я просто хочу завершить это без каких-либо осложнений.

— По крайней мере, последние пять лет я думал о вас как о друге. Хотелось бы спросить, кем был я для вас на протяжении этих пяти лет.

Один уголок его рта горько изогнулся. Калиго передал Хелии бумаги.

Она просмотрела бумаги и поднялась со своего места.

— Вы для меня... — она медленно опустила свои веки, — ничего не значили.

— ...

Из-за отчуждённого заявления зрачки Калиго постепенно расширились.

Его глаза расширились, обнажив свои белки. Опустошение и гнев бушевали сквозь его красные радужки.

Поскольку Хелия почувствовала внезапную агрессию Калиго, то она избегала смотреть в глаза мужчины.

— В отличие от вас, я та, кто ничегошеньки не может любить, — она выразилась с редкой для неё искренностью. — Берегите себя, Ваша Светлость.

Попрощавшись, она повернулась и без колебаний покинула гостинную.

Ваша Светлость.

Эти слова превратили их в совершенно незнакомых людей.

— Ха!

Калиго измучено усмехнулся, затем достал сигару и стал грызть её зубами, будто собирался смять её.

Двумя неделями позже из храма пришло уведомление, подтвердившее соглашение о расторжении брака.

Пятилетний брак по контракту был расторгнут ровно через пять лет и два с половиной месяца.

Ему было двадцать восемь, а ей двадцать пять.